

социальную характеристику этого периода, данную Г. А. Острогорским, по мнению которого нельзя говорить о появлении новых социальных сил в Византии XIV в., где центральная власть оказалась бессильной перед феодалами, установившими свое господство и в городах¹²⁸.

М. Я. Сюзюмов полагает, что «предпринимательские» элементы в специфических условиях Византии, даже будучи достаточно сильными, были скованы противоречиями с «трудящимися массами» в период начавшейся антифеодальной борьбы¹²⁹. Однако этот фактор мог бы иметь, по нашему мнению, значение, если бы новые формы эксплуатации в XIV в. были уже достаточно сильными и зрелыми. Развитый слой «предпринимателей», если бы он был таковым, мог бы, кроме того, обрести союзников в широких кругах крестьянства и городской бедноты, в массах разорявшихся ремесленников и торговцев, эксплуатировавшихся феодалами или постепенно попадавших в зависимость от них. Этого, однако, не случилось.

Феодальная отсталость «предпринимательских» кругов, их подчинение земельным магнатам или государству, чисто средневековые методы извлечения доходов в своей экономической деятельности — вот что сделало их одиночными и бессильными в социальной и политической жизни города XIII—XV вв. «В крупных городах Византийской империи, — пишет З. В. Удальцова, — например, в Константинополе и Фессалонике, ... уже складывалось (но еще не сложилось. — Г. К., В. Р.) сословие горожан. На одном полюсе городского населения все более обособлялся (но еще не обособился. — Г. К., В. Р.) патрициат, на другом — плебейство»¹³⁰.

Крайняя слабость так и не сложившегося в единую социальную группу патрициата, отсутствие его естественного союзника — достаточно мощного слоя ремесленников и мелких торговцев, объединенных в цехи или корпорации, разобщенность и раздробленность городских социальных прослоек — все это находилось в резком контрасте с положением дел в западных городах, где патрициат находил прочную опору в цеховых организациях, верхушка которых обеспечивала его связь с торгово-ремесленным населением города на определенном этапе борьбы городов с феодалами¹³¹.

Торговцы и ремесленники византийских городов не только не выступили на борьбу за создание собственного городского самоуправления, но не смогли подняться и до сознания необходимости объединения своих сил внутри города. Если в некоторых наиболее развитых торгово-ремесленных центрах и намечались тенденции такого рода, то они были крайне слабыми. Все это обусловило отсутствие четкого размежевания социальных сил в городе, отсутствие ясных целей и конкретной программы борьбы городского населения за свои права.

Тем не менее мы не согласны с утверждением Б. Т. Горянова, что городские движения XIV в. в Византии даже не носили в сущности «городского» характера, а были «типом крестьянской войны, наподобие восстания Ивайла»¹³². Нам представляется не только возможным, но и необходимым трактовать движения в крупнейших городах империи именно как городские, несмотря на их теснейшую связь с антифеодальной борьбой крестьянства. Связь эта весьма примечательна, и уяснение ее причин способно бросить дополнительный свет на социальную борьбу внутри города.

М. Я. Сюзюмов совершенно прав, по нашему мнению, что борьбу в городах нельзя рассматривать изолированно, вне связи с гражданской войной,

¹²⁸ G. O s t r o g o r s k y. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963, S. 424.

¹²⁹ М. Я. Сюзюмов. Социальная сущность..., стр. 91.

¹³⁰ З. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии в XV веке. — ВИ, 1953, № 7, стр. 113.

¹³¹ См., например, Н. А. Б о р т н и к. Ремесленно-цеховое производство в Риме первых трех десятилетий XIV века. — УЗ Пермского гос. университета, № 143. История. Пермь, 1966, стр. 116.

¹³² Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм, стр. 339.